

Александров А. А. [Рец. на:] Письма И. С. Тургенева к гр. Е. Е. Ламберт // Богословский вестник 1916. Т. 1. № 2. С. 367–375 (2-я пагин.).

бы все, что не вещь, измѣнило своей сущности, ставъ метodomъ вещей. „Эстетика“ призываетъ пожертвовать собой, своей душой ради красоты міра вещей. Но... къ чему мірское хозяйство, если нѣтъ хозяина? Къ чему вещи, если онѣ грозятъ гибелью живой душѣ:... *ἢ τί δόσει ἄνθρωπος ἀντάλλαγμα τῆς ψυχῆς αὐτοῦ;* (Мѳ. 16, 26).

С. Голованенко.

III.

Письма И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертѣ.

I.

Въ послѣднее время у насъ начинается замѣтно расти и развиваться литература внимательной и вдумчивой оглядки назадъ: печатаніе воспоминаній, дневниковъ, писемъ и другихъ матеріаловъ для изученія нашего прошлаго и его болѣе или менѣе крупныхъ представителей, оставившихъ по себѣ замѣтный слѣдъ.

Это—добрый признакъ. Начало внимательнаго и вдумчиваго отношенія къ своему прошлому—это признакъ начала роста истинной культуры, начала національнаго самосознанія, столь необходимаго каждому великому народу.

Среди матеріаловъ этого рода, вышедшихъ въ прошломъ году, нельзя не остановиться съ интересомъ на „Письмахъ И. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертѣ“, недавно поступившихъ въ продажу, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ изъ „Отчета Императорскаго Московскаго и Румянцевскаго Музея за 1914 годъ“. Письма эти снабжены небольшимъ, но содержательнымъ предисловіемъ и очень интересными и тщательно составленными примѣчаніями Г. П. Георгіевскаго.

Письма Тургеневъ, какъ извѣстно, писалъ очень охотно, и притомъ мастерски: умно, остроумно, интересно, изящно. Читаются они поэтому всегда съ большимъ удовольствіемъ. Немаловажный интересъ автобіографической и общественной, всегда присущій письмамъ Тургенева, дѣлаетъ цѣнность ихъ еще большею. Обнародованная Румянцевскимъ музеемъ цѣлая книга писемъ Тургенева, остававшихся до сихъ поръ подъ спудомъ, является своего рода литературнымъ событіемъ.

Кто же такая графиня Е. Е. Ламбертѣ? Какъ Тургеневъ

познакомился съ нею и почему переписывался? Почему эти письма не были до сихъ поръ изданы? Въ чемъ особенности ихъ въ сравненіи съ другими—уже извѣстными письмами Тургенева? Что это за письма?

II.

Изъ предисловія къ „Письмамъ И. С. Тургенева“ тѣ, кто раньше ничего не слыхали о графинѣ Елизаветѣ Егоровнѣ Ламбертъ, могутъ узнать, что она была дочерью графа Егора Францовича Канкринна, русскаго министра финансовъ. Блестящее воспитаніе и высокое положеніе въ обществѣ открыли ей возможность къ счастливому замужеству и близости ко двору Наслѣдника престола, а потомъ Императора Александра II Николаевича. Она вышла замужъ за графа Юсифа Карловича Ламбертъ. Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, привлечшаго къ себѣ по открытіи цвѣтъ русской аристократіи, графъ Юсифъ Карловичъ сдѣлалъ быстро завидную карьеру при дворѣ Наслѣдника. Въ чинѣ полковника въ 1851 году, онъ былъ одѣтянтомъ Цесаревича Александра Николаевича. Братъ его, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, былъ въ послѣдствіи намѣстникомъ въ Варшавѣ. Другой воспитанникъ Ришельевскаго Лицея Н. Н. Мурзакевичъ въ своихъ „Запискахъ“ (*Русская Старина* 1887 г., II, и 1889 г., II) слѣдующимъ образомъ отзывается о графѣ Юсифѣ Ламбертъ: „Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести и правды многимъ извѣстенъ“.

Молодость, образованіе, умъ и высокія нравственныя качества графа Юсифа и графини Елизаветы Ламбертъ, безъ сомнѣнія, привлекали въ ихъ домъ многихъ.

Неудивительно, что и Тургеневъ въ первый же свой пріѣздъ въ Петроградъ, послѣ продолжительной отлучки, пожелалъ быть принятымъ въ домъ графа Юсифа Ламбертъ и вскорѣ былъ оцѣненъ радушными хозяевами и удостоенъ искренняго расположенія и симпатіи со стороны графини Елизаветы Егоровны.

Знакомства вообще давались Тургеневу легко. Красавецъ собой, прекрасно образованный, занимательный собесѣдникъ съ мягкими и благородными приемами въ обращеніи съ людьми,—онъ былъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ, даже самыхъ

высокихъ, кругахъ столичнаго общества. За границей, въ мѣстахъ, излюбленныхъ русскими путешественниками, Тургеневъ былъ предметомъ общаго вниманія ихъ и перѣдко получалъ привѣтствія и поклоны отъ лицъ, которыхъ самъ не узнавалъ. Въ средѣ писателей знакомства Тургенева были весьма обширны и переходили за грани всѣхъ кружковъ и направленій. А по мѣрѣ того, какъ росла его собственная литературная слава, кругъ знакомыхъ Тургенева расширялся все болѣе и болѣе.

По свидѣтельству друга его, П. В. Анненкова, „молодые писатели, начинающіе свою карьеру, одинъ за другимъ являлись къ нему, приносили свои произведенія и ждали его приговора, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ имъ, стараясь уразумѣть ихъ дарованія и ихъ наклонности. Свѣтскія высокопоставленныя особы и знаменитости всѣхъ родовъ искали свиданія съ нимъ и его знакомства. Особенно онъ сдѣлался любимцемъ прекраснаго пола, упивавшагося чтеніемъ его романа („Дворянское гнѣздо“). Женщины высшихъ круговъ петербургскаго общества открыли ему свои салоны, ввели его въ свою среду, заставили отцовъ, мужей, братьевъ добиваться его пріязни и довѣрія. Онъ сдѣлался *свой человекъ* между ними и каждый вечеръ облакался во фракъ, надѣвалъ бѣлый галстухъ и являлся на ихъ рауты и *causes* удивлять изящнымъ французскимъ языкомъ, блестящимъ изложеніемъ мнѣній своихъ, съ примѣненіемъ къ понятіямъ новыхъ его слушательницъ и слушателей, остроумными анекдотами и оригинальной и весьма красивой фигурой“ (П. В. Анненковъ. „Литературныя воспоминанія“. Спб. 1909 г. Стр. 507—508).

Очень вѣроятно предположеніе автора предисловія къ „Письмамъ Н. С. Тургенева“ Г. П. Георгіевскаго, что графиня Ламбертъ и ея мужъ могли въ самомъ же началѣ знакомства съ ними Тургенева оказать ему своими связями содѣйствіе въ его хлопотахъ о полученіи заграничнаго паспорта, что было сопряжено для него съ серьезными затрудненіями, такъ какъ онъ тогда, только что вернувшись изъ своей деревенской ссылки, „находился еще подъ особымъ наблюденіемъ и присмотромъ представителей власти“ („Письма Тургенева“, стр. VI). Подтверженіемъ вѣроятности этого предположенія можетъ служить первое же письмо Турге-

пева къ графинѣ Ламбертъ, въ которомъ онъ благодарить ее за оказанное ему ею „участіе“.

Какъ бы то ни было, знакомство Тургенева съ графиней Ламбертъ, „несмотря на различіе ихъ мнѣній“ по многимъ весьма существеннымъ вопросамъ, столь быстро переходитъ въ трогательную, нѣжную дружбу, что въ первомъ же своемъ письмѣ къ графинѣ Тургеневъ пишетъ:

„Мнѣ очень жалко, что я такъ поздно съ Вами познакомился. Несмотря на различіе нашихъ мнѣній, между нами есть, если не ошибаюсь, симпатія чувствъ и ощущеній. А эта связь прочнѣе связи, основанной на тождествѣ мнѣній. Но прошедшаго не передѣлаешь,—остается, насколько хватаетъ умѣнія, пользоваться настоящимъ“ („Письма“, стр. 3).

Рѣдкій наблюдатель и знатокъ человѣческой души, Тургеневъ очень скоро оцѣнилъ тонкій, изящный вкусъ графини Ламбертъ, просвѣщенный далеко незауряднымъ образованіемъ, ея любовь къ искусству и пониманіе задачъ его, ея горячее и отзывчивое сердце, открытое всѣмъ просьбамъ и каждой нуждѣ, и всею душой привязался къ ней. Расположеніемъ графини, участіемъ ея ко всѣмъ подробностямъ его писательской и личной жизни Тургеневъ дорожилъ въ высшей степени. Посвящая ее въ каждый шагъ своей жизни, во всѣ свои думы, замыслы и переживанія, Тургеневъ искалъ поддержки и сочувствія графини, провѣрялъ себя ея дружественными взглядами, а иногда ея ласковымъ привѣтомъ и теплымъ, сердечнымъ участіемъ замѣнялъ для себя отсутствіе „собственнаго гнѣзда“, и изливалъ предъ ней, какъ близкимъ по душѣ человѣкомъ вмѣстѣ свои жалобы на одиночество, на тяжесть нераздѣленныхъ чувствъ. Постоянно говорилъ съ тѣмъ Тургеневъ и о своемъ чувствѣ къ ней, чувствѣ глубокой, привязанности и братской любви, озарившемъ его жизнь лучами пробужденія чистыхъ радостей и несбывшихся мечтаній.

Въ рѣдкіе и большею частію короткіе пріѣзды свои въ Петроградъ Тургеневъ любилъ бесѣдовать съ графиней въ уютной комнаткѣ небольшого домика на Фурштатской гдѣ она жила. Часами просиживалъ онъ у радушной и умной хозяйки домика, наслаждаясь всѣми дарами ея ума и сердца, посвящая и ее съ полною откровенностію во всѣ подробности своей жизни, раскрывая предъ ней свою душу. Событія и лица, за-

нимавшія въ его личной, интимной жизни первый планъ, его дочь и другіе родные, его друзья и знакомые дѣлались хорошо извѣстными и графинѣ. Обо всѣхъ и обо всемъ рассказывалъ онъ ей, набрасывая яркія картины и рисуя мѣткія характеристики. Еще чаще несъ онъ на ея судъ свои думы, заботы и затрудненія. Онъ уважалъ ея умъ, вѣрилъ въ ея сочувствіе и участіе, и ничего не скрывалъ отъ нея. Очень цѣнилъ Тургеневъ литературный вкусъ графини, и нерѣдко посылалъ ей или привозилъ къ ней лично свои произведенія въ рукописи или въ корректурѣ, чтобы выслушать ея мнѣніе. Какую цѣну придавалъ онъ мнѣнію графини, можно видѣть хотя бы изъ того, что для романа „Наканунѣ“, послѣ рѣзкой и безпощадной критики на него графини Ламбертъ, былъ приготовленъ уже „огонь въ каминѣ“, и только послѣ совѣщанія съ вызваннымъ имъ хладнокровнымъ, спокойнымъ, неизмѣннымъ другомъ его Анненковымъ, вкусу котораго онъ также довѣрялъ, „огонь въ каминѣ“ оказался не нуженъ“ („Литерат. Восп.“, стр. 513—514).

Письма Тургенева къ графинѣ Ламбертъ это—то отголоски, то продолженіе личныхъ его съ нею бесѣдъ. Въ нихъ Тургеневъ встаетъ предъ читателями, какъ живой, со всѣми завѣтными думами его, со всѣми волновавшими его тревогами и радостями, которыми онъ дѣлился съ чуткою, правдивою женскою душой.

Всѣхъ писемъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ сохранилось, вмѣстѣ съ коротенькими и незначительными записочками, 115—на пространствѣ времени отъ 9 мая 1856 года до 29 апрѣля 1867 года.

Въ послѣдніе годы ихъ жизни переписка эта какъ-то постепенно прекращается, замираетъ.

Въ 1883 г.,—въ томъ самомъ году, въ которомъ умеръ Тургеневъ,—умерла и графиня Е. Е. Ламбертъ, передавъ свою переписку съ Тургеневымъ Александру Дмитриевичу Свербееву. 7 сентября 1889 года Свербеевъ письма Тургенева къ графинѣ Ламбертъ принесъ въ даръ Императорскому Румянцевскому Музею, передавъ ихъ Музею въ запечатанномъ пакетѣ, съ тѣмъ, чтобы они хранились въ этомъ видѣ 20 лѣтъ и были напечатаны не ранѣе 7 сентября 1909 г. Впослѣдствіи Свербеевъ удлиннилъ этотъ срокъ еще на 5 лѣтъ, и лишь въ сентябрѣ 1914 года Музей получилъ возможность

располагать письмами и могъ приступить къ подготовленію ихъ обнародованія.

III.

Письма Тургенева къ графинѣ Ламбертъ—это, въ сущности, отдѣльныя страницы, разрозненные листки въ высшей степени задушевной автобіографіи за извѣстный періодъ времени, написанныя рукой крупнаго писателя, большаго мастера художественнаго слова. Въ этомъ—главная ихъ цѣнность, ихъ главный интересъ.

На ряду съ мастерскою обрисовкой внутреннѣхъ и внѣшнѣхъ особенностей жизни Тургенева, въ письмахъ его ярко проступаютъ, тѣсно переплетаясь съ ними, и всѣ главнѣйшія особенности его пріемовъ творчества.

Вотъ, напр., страничка изъ перваго же письма Тургенева, написаннаго имъ 8-го мая 1856 г., въ имѣніи своемъ, селѣ Спасскомъ, Орловской губ., въ 9-ти верстахъ отъ города Мценска.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь,—ищетъ Тургеневъ,—мною овладѣла внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ахъ, графиня, какая глупая вещь—потребность счастья, когда уже вѣры въ счастье нѣтъ! Однако, я надѣюсь, все это утомится, и я снова, хотя не вполне, прибрѣту то особеннаго рода спокойствіе, исполненное внутренняго вниманія и тихаго движенія, которое необходимо писателю, вообще художнику“.

Страничка эта интересна не только тѣмъ, что ярко изображаетъ весьма характерное для Тургенева душевное переживаніе, но и тѣмъ, что даетъ возможность судить о взглядѣ его на настроеніе, необходимое писателю,—вообще, художнику.

Отъ мастерскаго, чисто Тургеневскаго изображенія переживаній человѣческой души вообще и души писателя, художника, въ особенности онъ переходитъ къ не менѣе мастерскому наброску слѣдующей картинки, въ которой вы сразу узнаете кисть этого удивительнаго пейзажиста русской природы:

„Погода еще не совсѣмъ хороша. Все еще какъ-то грубо и рѣзко: вѣтеръ воетъ, какъ осенью; мокрая, сѣрая туча несутся и льютъ тонкій, неприятный дождь. Но все уже зеле-

но, и сегодня мои собаки издали, на травѣ, освѣщенной солнцемъ, производили картинное впечатлѣніе“.

А вотъ два-три штриха, съ дивной сжатостью и простотой крупнаго мастера пушкинской школы обрисовывающихъ характеръ и жизнь цѣлой семьи:

„Здѣсь живетъ мой дядя, добрый и простой человекъ, который управлялъ моимъ имѣніемъ. У него—жена, и сестра жены живетъ вмѣстѣ съ ними. Люди тихіе и незатѣйливые, съ ними легко, и все-таки не совершенно одинъ“.

Въ слѣдующихъ за этимъ строкахъ одинъ изъ талантливейшихъ учениковъ Пушкина и вѣрный до гроба поклонникъ его сказывается уже прямо на чистоту:

„Вы мнѣ говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина въ теченіе лѣта, я тоже буду его читать, и мы можемъ говорить о немъ“.

Далѣе—образчикъ Тургеневского юмора:

„Это письмо идетъ скачками, à bâtons rompus, какъ говорятъ французы, но Вы сами этого требовали, то-есть, Вы требовали, чтобы я писалъ Вамъ, что мнѣ придется въ голову, а мнѣ въ голову мысли приходили именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ я Вамъ излагалъ ихъ, такъ что собаки пришлись раньше родственниковъ“.

Въ концѣ этого письма встрѣчаемъ одинъ изъ образчиковъ Тургеневской наблюдательности и вмѣстѣ съ тѣмъ милой привѣтливости, деликатности и рыцарственнаго отношенія къ женщинѣ:

„Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта... Кстати, какіе у Васъ добрые и милые глаза! Это „кстати“, можетъ быть, очень не кстати,—Вы извините меня, если я въ этомъ случаѣ не долженъ былъ написать то, что я подумалъ“.

Очень характерно для Тургенева слѣдующее письмо его къ графинѣ (отъ 10-го іюня 1856 г.).

Позволимъ себѣ привести изъ него наиболѣе существенныя отрывки.

... „Я получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что паспортъ мнѣ выданъ, и я уѣзжаю изъ Россіи въ 20-хъ числахъ будущаго мѣсяца...“

„Позволеніе ѣхать за границу меня радуетъ... И въ то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ѣхать. Въ мои годы уѣхать за границу значитъ: опре-

дѣлать себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить всѣ помышленія о семейной жизни. Что дѣлать! Видно, такова моя судьба. Впрочемъ, и то сказать: люди безъ твердости въ характерѣ любятъ сочинять себѣ „судьбу“; это избавляетъ ихъ отъ необходимости имѣть собственную волю и отъ отвѣтственности передъ самими собою. Во всякомъ случаѣ *le vin est tiré—il faut le boire*.

„У меня здѣсь нѣтъ барскаго дома; былъ—да сгорѣлъ; я живу въ старомъ флигелькѣ. А садъ есть, большой и хороший, и прудъ. Сосѣдокъ нѣтъ никакихъ, ни Татьяна сосѣдокъ, ни просто сосѣдокъ. Да и я самъ куда какъ не похожъ на Онегина!..

„Мнѣ пріятно думать о томъ, что мы будемъ, хотя изрѣдка, мѣняться мыслями и ощущеніями. Еще пріятнѣе думать, что придетъ время, мы, Богъ дастъ, увидимся снова, и, смѣю надѣяться, окончательно станемъ друзьями.—Въ жизни мужчины наступаетъ, какъ и въ жизни женщины, пора, когда болѣе всего дорожишь отношеніями тихими и прочными. Свѣтлые осенніе дни—самые прекрасные дни въ году.—Я надѣюсь, что тогда мнѣ удастся убѣдить Васъ не бояться чтенія Пушкина и другихъ. Или вы еще страшитесь „тревоги“?

„Я не рассчитываю болѣе на *счастье* для себя, т. е. на счастье въ томъ опять таки *тревожномъ* смыслѣ, въ которомъ оно принимается молодыми сердцами. Нечего думать о цвѣтахъ, когда пора цвѣтенія прошла. Даѣтъ Богъ, чтобы плодъ, по крайней мѣрѣ, былъ какой нибудь,—а эти напрасныя прерыванія назадъ могутъ только помѣшать его созрѣванію.—Должно учиться у природы ея правильному и спокойному ходу, ея смиренію... Впрочемъ, на словахъ-то мы всѣ—мудрецы, а первая попавшаяся глупость пробѣжи мимо, такъ и бросишься за нею въ погоню.

„Какъ оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не дѣлать, какъ гонялся за глупостями.—Донъ - Кихоть, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ въ красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Донъ Кихоты и видятъ, что ихъ Дульцинея—уродъ, а все бѣгутъ за нею.

„У насъ нѣтъ идеала,—вотъ отъ чего все это происходитъ, а идеаль дается только сильнымъ гражданскимъ бытомъ, искусствомъ (или наукой) и религіей. Но не всякій родится

американцемъ или англичаниномъ, художникомъ или ученымъ, и религія не всякому дается тотчасъ. Будемъ ждать и вѣрить, и знать, что пока—мы дурачимся. Это сознаніе все-таки можетъ быть полезнымъ“.

Какая сила и пронизательность ума и какое сознаніе слабости своей воли, какая глубина пониманія смысла человеческой жизни и какая щемящая сердце грусть отъ неумѣнія и безсилія устроить свою личную жизнь!

Своимъ выдающимся умомъ Тургеневъ понималъ значеніе въ жизни *возвышеннаго идеала*, значеніе, какъ вѣнца этого идеала, *религіи*. Его чуткое сердце крупнаго человѣка и художника влекло его къ этому идеалу. Та „русская суть“, которую, по его выраженію, „вари русскаго человѣка хоть въ семи котлахъ, изъ него не вываришь“, была вся на сторонѣ этого идеала. Но отсутствіе сильной воли мѣшало Тургеневу, въ ранней юности „окунувшемуся,—по его словамъ,— въ Нѣмецкое море“ и „вынырнувшему изъ него западникомъ съ головы до пятъ“, перестроить свою жизнь по этому идеалу. Отсюда — трагедія всей его жизни, отсюда щемящая сердце грусть его...

Приведенныя нами выдержки даютъ возможность читателямъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о характерѣ и значеніи новой книги писемъ Тургенева.

Анатолій Александровъ.
